

ПОЛИНСКАЯ М. С.

ПОРЯДОК СЛОВ «ОБЪЕКТ — СУБЪЕКТ — ГЛАГОЛ»

Эмпирически установлено, что шесть логически возможных типов порядка слов (SOV, SVO, VSO, VOS, OSV, OVS¹) неравномерно распределены в языках мира. По-видимому, примерно в половине языков преобладает порядок SOV (ср. [2, 4] и еще более категоричные оценки в [5]), около половины остальных языков имеют порядок слов SVO. Четыре других типа порядка слов существенно менее часты, причем особенно «уникальны» порядки с ИГ² объекта в начале предложения — OVS и OSV. По Дж. Гринбергу [1, с. 118], эти порядки «не встречаются совсем или, во всяком случае, чрезвычайно редки». В большинстве работ, посвященных порядку слов, последовательностям OSV, OVS отказывается в «праве гражданства» — исключение составляет серия статей Д. Дербишира и Дж. Пуллума [6—8].

Необходимость исследования языков с редкими порядками слов едва ли требует специального обоснования: интересно понять причины, по которым те или иные порядки встречаются редко, и не менее интересно обнаружить такие порядки в конкретном языке.

1. Вводные замечания

1.1. Основным, или базовым, порядком слов предлагается считать наиболее частотный для данной конструкции предложения способ линейризации его элементов, регулярно используемый при спонтанном поро-

¹ Здесь и далее принята традиционная нотация по [1]: S — подлежащее, или первый синтаксический актант, O — дополнение, V — сказуемое. Обозначения, введенные Дж. Гринбергом, не раз подвергались критике, причем основное возражение состояло в том, что Гринберг смешивает члены предложения (подлежащее, дополнение) и части речи (глагол). Такая критика справедлива, поэтому нелишне заметить, что S, O, V используются именно как условные обозначения; менять их нежелательно, поскольку они уже вошли в традицию.

Неудовлетворение лингвистов теорией Гринберга приводит иногда к полному отказу от описания порядка слов в терминах членов предложения. В качестве альтернативы предлагается описание в терминах актуального членения (ср. обзор в [2]). Корреляция между синтаксическим и актуальным членением известна (мы не раз будем обращаться к ней ниже), но задача состоит в том, чтобы соотнести друг с другом эти два членения, а не заменить одно другим. Как исходный пункт описания синтаксическое членение представляется более удобным благодаря своей большей формализованности. В связи с этим следует сделать еще одно замечание. В современной синтаксисе подлежащее и разные дополнения описываются через наборы свойств (признаков), причем существуют языки, в которых первый и второй синтаксические актанты примерно равны по своим свойствам (это дало основания для трактовки подобных языков как бесподлежащих [3]). Мы оставляем в стороне эти трудности и исходим из того, что во всех исследуемых языках подлежащее и прямое дополнение известны.

² В настоящей статье приняты следующие сокращения: ИГ — именная группа; абс. — абсолютив; эрг. — эргатив; Д_к — косвенное дополнение; Д_н — не прямое (дательное) дополнение; Д_п — прямое дополнение; П_н — подлежащее при непереходном нестативном глаголе; П_п — подлежащее при переходном глаголе; П_{стат} — подлежащее при стативном глаголе.

дении предложения. (Неудобство такого определения состоит в том, что оно с неизбежностью предполагает наблюдения над большим корпусом предложений и текстов и/или наличие обширных данных прямого опроса информантов. Но на нынешнем уровне наших знаний любой другой подход, вероятно, будет бесплоден³. Такое определение позволяет рассматривать языки с «жестким» и языки со «свободным» порядком слов как принципиально сопоставимые.

1.2. Всякое предложение может быть описано как семиотическая сущность, имеющая означаемое (план содержания) и означающее (план выражения). Элементы плана выражения описываются через их форму, позицию (формальные свойства) и через способность задавать форму, позицию и референцию других, относящихся к тому же уровню, элементов (функциональные свойства). Свойства элементов плана выражения суммируются в категориях «подлежащее», «прямое дополнение» и т. д. Эмпирически установлено, что вероятность для разных языковых выражений выступать в предложении, например, в качестве подлежащего различна и зависит от лексико-грамматического статуса этого выражения. Наиболее известной классификацией статусов является иерархия агентивности [10], которая, с некоторыми уточнениями, принадлежащими автору этой статьи, выглядит так:

(1) личные местоимения (связанные) > личные местоимения (свободные) > имена собственные > названия людей > названия высших животных > названия самодвижущихся или приравняваемых к таковым природных объектов > названия неподвижных естественных объектов > названия артефактов⁴.

«Физический смысл» этой и подобных иерархий сводится, коротко говоря, к следующему. Естественными и более частыми в реальном мире являются такие положения вещей, при которых более активный от природы, одушевленный партиципant воздействует на менее активный, неодушевленный; при этом второй меняет свое состояние, а первый обычно остается самим собой. Для партиципантов, наименования которых расположены в левой части иерархии (1), типично существовать и оставаться равными себе вне зависимости от производимых ими действий (подчеркнем, что здесь и далее имеется в виду не научное, а наивное, бытовое восприятие объектов реального мира; если подходить к ним, например, с позиций сопротивления материалов или техники износа, человек получит значительно меньше «очков», чем, скажем, кирпич). Подобные партиципantы обычно определяются через обширный круг признаков (в этом нетрудно убедиться, попытавшись интроспективно описать свое «я»). Чем больше признаков «задействовано» в представлении некоторой сущности, тем труднее измениться в с е м

³ Например, фрагментарные данные языка урубу навели Дж. Какумасу и вслед за ним авторов [7] на мысль о базисном порядке OSV в этом языке. Более системный анализ показал, что урубу — язык SOV с коммуникативно маркированным порядком OSV [9, с. 327].

⁴ Эталонная агентивность может быть определена как способность X-а начинать и/или прекращать некоторое положение вещей по своему выбору (по своей воле). В свете подобного определения противопоставление естественных и созданных человеком неодушевленных объектов оправдано. Общепринято, что язык некоторым образом отражает человеческое восприятие мира. Люди в меньшей степени склонны персонифицировать артефакты, нежели природные объекты. Создавая нечто для своих целей, человек предполагает, что артефакт будет подчинен ему («свобода воли» объекта тут только мешала бы).

В соответствии со сложившейся традицией будем говорить, что класс имен X расположен л е в е е класса Y, если он ближе к началу иерархии, т. е. X > (...>) Y.

этим признакам сразу в результате какого-то одного события. Партиципанты, наименования которых находятся в правой части (1), нередко определяются через малое число признаков, подчас через один; нарушить их самотождественность легче. Тем самым для подобных партиципантов типичны положения вещей, при которых они могут создаваться /уничтожаться/менять свое исходное состояние весьма значительно; все это делает их более подходящими для роли объекта, чем для роли субъекта, ср. [11, с. 71—113]. Партиципанты, названия которых расположены в левой части (1), могут быть и активными участниками, и объектами, но при этом важно, что сущности, находящиеся на другом краю иерархии,— «плохие» агенсы. Соответственно иерархия и н г е р е н т н о й (присущей лексически) субъектности (1) коррелирует с иерархией с и т у а ц и о н н о й (контекстно обусловленной) субъектности (термины по [12, с. 64]):

(2) Агенс > Адресат > Реципиент > Пациент > Инструмент...

Понимание предложения предполагает соотнесение этого предложения и составляющих его выражений с внешним миром. Разные языковые выражения с разной эффективностью позволяют идентифицировать соотносимые с ними внеязыковые сущности и/или отграничивать эти сущности от других, ассоциируемых сущностей (например, в силу принадлежности к одному классу). Идентификация и/или индивидуализация референта (т. е. процедуры поиска внеязыкового объекта) происходят тем легче, чем больше опознавательных признаков имеется в распоряжении коммуникантов. Можно получить шкалу референтности, которая — по нарастанию числа признаков, участвующих в представлении объекта,— будет коррелировать со шкалой (1)⁵:

(3) Наименование партиципанта является однозначным > референтным сильноопределенным > референтным слабоопределенным > референтным неопределенным > нереферентным слабоопределенным > нереферентным неопределенным⁶.

Возможно, также в силу представления объектов внешнего мира через большее/меньшее число признаков, с иерархиями (1) — (3) коррелирует иерархия сегментации и квантификации⁷:

(4) Партиципант принадлежит к сегментируемому классу сущностей и выступает в ед. ч. > партиципант принадлежит к сегментируемому классу сущностей и выступает в дв. ч. > партиципант принадлежит к сегментируемому классу сущностей и выступает во мн. ч. > партиципант принадлежит к несегментируемому классу сущностей и квантифицирован > партиципант принадлежит к несегментируемому классу сущностей и не квантифицирован.

Итак, от положения ИГ на шкалах (1) — (4) зависит набор ее грамматических свойств в предложении. Соответственно, можно ожидать, что правила кодирования ИГ, в том числе правила порядка слов, будут различаться в предложениях с иерархически не одинаковыми ИГ. Для двухактантных предложений следует различать местоименные (с актантами — местоимениями или именами собственными), именные [с актантами — об-

⁵ Объект внешнего мира, выделенный из множества других объектов того же рода, будет описываться через большее число положительных признаков, чем неиндивидуализованный объект: для первого определена не только принадлежность к некоторому классу, но и отличие от других членов этого класса.

⁶ Частным случаем неопределенной референтности является обозначение партиципанта нулевыми лексемами с бытийным и универсальным значением, ср. [13, с. 89].

⁷ Сегментация и квантификация определяются как в [14].

щими (нарицательными) именами] и «смешанные» (с актантом — местоимением или именем собственным и с актантом — общим именем) типы; внутри каждого из этих типов имеются следующие подтипы: по положению на шкалах (1) — (4), а) ИГ подлежащего и ИГ дополнения (примерно равны, б) ИГ подлежащего выше ИГ дополнения, в) ИГ подлежащего ниже ИГ дополнения.

1.3. До сих пор потенциально различающиеся словопорядки прогнозировались на основании свойств именных составляющих предложения. Однако выбор того или иного порядка слов может зависеть от грамматического вида, времени и модальности сказуемого. Модальность здесь для простоты не рассматривается; что касается времени и вида, то мы предлагаем, хотя бы на начальном этапе исследования порядка слов в конкретном языке, рассматривать предложения со сказуемым в форме прошедшего, настоящего и будущего времени, перфекта, прогрессива и общего вида раздельно.

Интерес к видовой и темпоральной семантике в последние годы возрос [15—17]; формальные различия предложений разной видовой или временной отнесенности (если такие различия имеются) могут, в конечном счете, пролить свет на семантику соответствующих категорий.

2. Языки, для которых ранее постулировался порядок OSV

По [7, с. 205], OSV является базовым порядком в четырех америндских языках: апуринья (А), шаванте (Ш), надеб (Н) и урубун-капор. Авторы отмечают также, что примеры OSV как частого, альтернативного главному, порядка обнаруживаются в языках дирбал (семья пама-ньюнга, Австралия), хурритском, алеутском и гренландском эскимосском. В дирбале порядок OSV имеет место в пассивной конструкции (подробно об интерпретации соответствующих предложений как пассивных см. [12, с. 68—69], где эта трактовка основана на данных о функциональных свойствах ИГ); в гренландском эскимосском появление OSV также связано с пассивизацией (устное сообщение Н. Б. Вахтина); в алеутском транзитивном предложении возможен только порядок SOV, OSV же появляется в коммуникативно осложненных предложениях, где объект — контрастная тема и где между О и S обязательна пауза (мы благодарны Е. В. Головки за чрезвычайно подробные и полезные разъяснения по этому вопросу). Тем самым в дирбале и эскимосском порядок OSV тривиален: объект в пассивном высказывании, будучи темой, занимает сильную тематическую позицию.

Рассмотрим языки апуринья, шаванте и надеб. (О трактовке урубун как SOV-языка см. примеч. 3).

2.1. Апуринья (аравакская семья). В [7] приводится восемь примеров из А, в том числе одно отрицательное предложение и одно предложение «смешанного» типа. В остальных шести отображено положение вещей «Я приношу ананас(ы)», причем в двух из шести предложений подлежащее опущено (OV, VO). Приведем остальные четыре:

(5) а) *Anana nota apa* (OSV)

б) *Anana n-apa nota* (OVS, глагол согласуется с S)

в) *Nota apa-ru anana* (SVO, глагол согласуется с O)

г) *N-apa-ru anana nota* (VOS, глагол согласуется с S и O)

По [7, с. 207], отсутствие согласования в (5а) свидетельствует в пользу базисности этой конструкции и соответственно порядка OSV. Такая

трактовка возможна, хотя никаких доказательств связи между согласованием в предложении и системным статусом конструкции нет. Отсутствие согласования может быть интерпретировано и как указание на мену диатезы; тогда (5а) может быть признано пассивом («несогласованный» пассив противопоставлен «согласованному» активу и в других языках, например, в ирландском).

То обстоятельство, что перед глаголом ставится либо свободное, либо связанное личное местоимение, может свидетельствовать о дополнительном распределении этих форм, а значит, нейтральной конструкцией предложения в А может быть (5в) или (5д):

(5) д) *N-apary anana* [ср. (5г)].

Допустимо ли (5е) *Nota n-ara-ry anana*, неясно.

В (5г) и (5д) говорящий, возможно «договаривает» после паузы личное местоимение (ср. русск. *Привел собаку, он*); в (5б) может иметь место такое же «договаривание», но на фоне тематизации или контрастной ремагизации объекта [ср. соответственно русск. *Собаку привел, он, Собаку привел, он* и см. ниже (7), (8)].

2.2. Шаванте (семья же). В [7] заключение о порядке слов в Ш делается на основании данных Мак-Леод [18]. Текст, приведенный у нее, свидетельствует о двух тенденциях дискурса Ш: а) после введения эксплицитно названного партиципанта в текст его референция восстанавливается в основном по глагольному согласованию, а соответствующие ИГ обычно опускаются, ср. (6) ⁸:

(6) *Tawam-hā*

указ. слово-эмф. частица

ma-tô-sô

показатель -3л.-для
сохранения
темы

tāma veder-hā [18, с. 53]

ствол поставил

«Шурин поставил там для юноши ствол дерева»

и б) нередко глаголу без эксплицитно выраженных аргументов предшествует контрастно тематизированная ИГ, а после глагола «договариваются» наименования участников ситуации [ср. (7) и (10)].

(7) *Kīmroo-hā, tē-nasi kōbno, pikōō-hā kaikrēpiduu-hā* «Жена его, та женщина, все время вычесывала у юноши из головы вшей» [18, с. 72].

С (7) можно сопоставить французские предложения, демонстрирующие ту же тенденцию (по устному сообщению К. Дюрана; примеры расположены по убыванию предпочтительности):

(8) а) *Moi, je le déteste, Pierre.*

б) *Je le déteste, moi, Pierre.*

в) *Pierre, moi, je le déteste.*

г) *Je le déteste, Pierre, moi.*

д) ⁹*Moi, Pierre, je le déteste.*

«Я презираю Пьера».

Если рассматривать (8в) изолированно и не учитывать коммуникативные факторы, то во французском тоже можно констатировать OSV. В Ш, как и во французском, этот порядок служит для контрастной тематизации объекта на фоне тематичного субъекта, ср.:

(9) *Toptā, vaahi, ma-tē-tiisa* «Топта, змея, ее укусила» [18, с. 59].

Ср также коммуникативно маркированный порядок OVS:

⁸ Интерпретация грамматических показателей принадлежит автору этой статьи и выработана на основании данных Мак-Леод и анализа текста в [18].

(10) *Tawam-hā kīka, ma-tō-sakra, kīnaa-hā* «Тогда его-корзину, она взяла, его-мать» (т. е. «тогда его мать взяла его корзину») [18, с. 73].

Каков нейтральный порядок в III, остается пока неясным (задача, естественно, осложняется регулярным опущением обоих главных актантов).

2.3. Надеб (семья пуинаве). Данные о III принадлежат Э. Уэйр (к сожалению, две ее работы остались нам недоступны). Все предложения, приводимые в [7] по неопубликованной работе Уэйр, имеют порядок слов OSV [ср. (11) — (13)].

Предложения с ИГ, близкими по рангу, в (1) — (4):

(11) *bo^qη maqoqool* *qi-wīh*
овод (назв. насекомого) Зобь.-есть

«„Маькоьол“ пожирает оводов».

(12) *samīyū* *yī* *qi-wīh*
обезьяна человек Зобь.-есть

«Люди едят обезьян».

Предложения «смешанного» типа:

(13) а) *txiū^qn* *nīy* *qī* *qi-taaq*
тапир голова я Зобь.-собирать

«Я иду собирать плоды дерева „тапирья голова“».

б) *qī* *qawxīi* *bi-q-sōbūs*
Я змея Зобь.-вид-кусать

«Меня чуть не укусила змея».

Примеры в [19] менее однозначны. Уэйр приводит пары предложений, описывающих одно и то же положение вещей (или два положения вещей, одно из которых логически вытекает из другого); в таких парах одно из предложений имеет порядок слов OSV, ср.:

(14) а) *kalapée* *a-sooh* *bxaah* *yo*
ребенок вид-сидеть дерево на

«Ребенок сидит на дереве» (порядок слов П_н — глагол — Д_к).

б) *bxaah kalapée yo-sooh* (тж., порядок OSV) (по [19, с. 297]).

Предложения типа (14б) напоминают косвенно-объектный пассив (II преобразуется в не-II, Д_к преобразуется в II); ср. подобную конструкцию в английском языке (15б):

(15) а) *This guy sat upon my case* «Этот человек сидел на моем чемодане» (актив)

б) *My case was sat upon (by this guy)* (тж., пассив). Конечно, подтвердить пассивный или активный характер предложений типа (14б) можно только на основе знания функциональных свойств ИГ в этих предложениях. То, что подлежащим в (15а) является именно ИГ *this guy*, а в (15б) — ИГ *my case*, видно, например, из способности соответствующих ИГ однозначно контролировать сочинительное сокращение:

(15) в) *This guy sat upon my case and ∅* [= *this guy/*my case*] *ruined it* «Этот человек сидел на моем чемодане и испортил его».

г) *My case was sat upon by this guy and ∅* [= *my case/*this guy*] *collapsed* «(букв.) Мой чемодан был сижен-на этим человеком и погиб» (пример из спонтанного диалога). Подобных данных для III нет. В их отсутствие можно обратить внимание на два обстоятельства.

а) В нескольких парах типа (14а, б) предложения с порядком слов OSV имеют более специализированное значение, чем их корреляты с другим порядком [ср. (16б), (17б)]. Специализация значения нередко сопут-

ствуует предложениям, в которых используется грамматически более периферийная либо более маркированная конструкция⁹.

(16) а) *kad i-yoom g'iyim go*
дядя вид-сажать поле на

«Мой дядя засаживает поле (букв. сажает на поле)».

б) *g'iyim kad gi-yoom* «Мой дядя (впервые) засаживает (это) поле» (OSV)

(17) а) *ée i-sóbt sxóbw me*
отец вид-стрелять трубка с помощью

«Мой отец стреляет из стрелометательной трубки (вообще)».

б) *sxóbwée mi-sóbt* «Мой отец проверяет стрелометательную трубку на выстрел» (необходимая стадия в изготовлении оружия) (по [19, с. 301]).

Подчеркнем, что сказанное относится только к предложениям с порядком OSV типа (14б), (16б), (17б); семантические соотношения предложений типа (11)—(13) с предложениями иного словопорядка (если таковые имеются) подлежат выяснению.

б) В предложениях (11)—(13) обращает на себя внимание тот факт, что глагол согласуется с объектом (впрочем, не исключено, что во всех этих примерах согласователный показатель субъекта — нулевой). Это, однако, еще не является свидетельством пассива (есть языки, например, шумерский, где глагол в двухактантной конструкции согласуется только с объектом), но в общем контексте увеличивает вероятность пассивной интерпретации OSV-предложений.

Если «пассивная гипотеза» верна хотя бы для (14б), (16б), (17б), она может иметь два разных продолжения. Первое. И перечисленные предложения, и (11) — (13) — пассивы. Тогда порядок OSV — принадлежность пассива, и имеет место та же ситуация, что в языках дирбал или гренландском эскимосском. По [19, с. 296], конструкции с порядком OSV в Н статистически преобладают, а значит, Н может попасть в весьма интересную группу языков с «гипертрофией» пассива (т. е. с пассивом, более частым, чем актив). (К этой же группе принадлежат, вероятно, языки дирбал [12, с. 69], маори — по наблюдениям автора.) Второе. Часть OSV-конструкций представляют собой пассив, часть — такие, как (11)—(13), — актив. Тогда остается нерешенным вопрос о синхронном и историческом соотношении разных OSV-конструкций.

Подведем итог этого раздела. «Кандидатами» на роль OSV-языка могут быть агурийня и надеб. Для последнего необходимо выяснить (по функциональным свойствам актантов), не являются ли соответствующие предложения пассивами. Если они окажутся таковыми, интересно определить базовый порядок слов в Н. Из примеров видно, что в Н имеются послелоги и что посессивное словосочетание имеет структуру «посессор — принадлежность». Это типично для языка с глаголом в конечной позиции, т. е., возможно, SOV. В то же время из (14а), (16а), (17а) видно, что Н не принадлежит к жесткому типу языков с глаголом в конечной позиции, поскольку D_R может следовать за глаголом.

⁹ Это, возможно, объясняется принципом лингвистической экономии. Для того чтобы оправдать существование относительно редкой конструкции, язык стремится придать ей дополнительную нагрузку, например, функцию выражения какого-то дополнительного значения.

3. Хурритский язык

Митаннийский хурритский, описанный в [20—22], — мертвый язык, все данные о котором основываются на материале одного сравнительно представительного текста и нескольких очень кратких. Согласно наиболее авторитетной грамматике [22, с. 205], нейтральным порядком слов в хурритском является OSV (в непереходном предложении SV)¹⁰. Хурритский — морфологически эргативный язык. В коммуникативно неосложненных предложениях начальному абсолютиву (т. е. П_н или Д_н) может предшествовать только несвязанная частица. Местоименные актанты в предложении легко опускаются, ср.

(18) а) *Asti-n sēnifuw arōz-av* «Жену моего-брата [я] дал-я» (согласование с П_н)

б) *Arōz-afu-n*

давать-1 ед. (П_н)-3 ед. (Д_н)

«[Я] дал [ее]».

Из примеров с ИГ, относительно равными по положению в иерархиях

(1) — (4), можно привести следующие:

(19) *tizifen ān sēnifuz hisuγ-i-wa-i/e-n* «И-сердце-мое мой-брат пусть-не-огорчает» [20, с. 109].

(20) *tiwena^{MEŠ} šu(w)alla-māna sēnifuz kandozāšena uriyašena* «Вещи названные мой-брат иметь желает» (20, с. 116¹¹)

(21) *hijaruhha-tta-n teu/on-ae sēnifuz keb-an-u/o-en* «Золота много мой-брат пусть-пошлет мне» [22, с. 139].

Предложения с одним из актантов — местоимением/именем собственным:

(22) *inut'aninhen'ə sēnifuz tadiya, inumenin hen'a sēnifa ižaz tadav* «Как теперь брат-мой [меня] любит, как теперь моего-брата я люблю» [20, с. 119] (в первом предложении объект опущен, во втором порядок OSV).

(23) *Manen'ān šenifuz šuga faš'i/enyit'ə* «Мане [имя посланца] мой-брат также пусть-пошлет» [20, с. 109].

Функция инвертированного порядка состоит в выражении существенных сдвигов в значении, ср.:

(24) *sēnifuz anə asti šar-oz-a* «Ведь [-именно-] мой-брат жену просил» [20, с. 106].

¹⁰ По [20, с. 126], хурритский порядок слов — SOV, и этот порядок рассматривается как характерное проявление эргативности. Корреляция между эргативностью и SOV, отмеченная для абхазо-адыгских и палеоазиатских языков, совершенно случайная: имеются эргативные языки с иными порядками слов, например, майя, западнополинезийские (VSO/VOS), и многочисленные SOV-языки без эргативности (языки Африки). Если вообще задаться целью найти аккумулятивность или эргативность в параметре порядка слов, то искомыми типами будут аккумулятивные SVO/SV (русский), OVS/VS (хишкарьяна, [7, с. 193—195]) и эргативные SVO/VS (никобарский; устное сообщение Ю. К. Лекомцева) и OVS/SV. Последний наблюдается в карибском языке макуши: *João egeran-sā* «Жоао прибыл» (SV); *Jaimé era'ma'pi João-ya* «Жоао (П_н) увидел Хайме (Д_н)» (OVS, П_н имеет факультативный эргативный маркер *-ya*) (по [6, с. 213, 210]).

¹¹ Часть случаев вынесения ИГ объекта в начальную позицию в письме Тушратты может объясняться использованием параномазии как синтаксически эффективного и в то же время выразительного способа связи предложений в тексте (на эту особенность широкого круга архаичных текстов любезно указал нам Ю. С. Степанов). В частности, в (20) можно, зная тематику письма Тушратты, усмотреть параномастический повтор.

(25) *ḡiredân sēnifūssāman sēnifūwenevā aštiv niyārā* «И-увидит мой-брат моего-брата жены приданое» [20, с. 126] (VSO, коммуникативно подчеркнутая рема — глагол?).

Имеются, однако, случаи, когда различия между предложениями с порядком OSV и с порядком SOV весьма неочевидны; ср. два предложения с актантами, находящимися примерно в одинаковом иерархическом соотношении:

(26) а) *Keliyāssān . . . tivā andā kulōzā* «И-Келия слово это сказал» [20, с. 116] (SOV)¹².

б) *andil'ân šimigenez areda (sēnif'ūwa)* «И-это Шимиге даст (моему-брату)» [20, с. 125] (OSV).

При наличии в предложении двух объектов порядок слов зависит от того, является ли второе дополнение непрямым (дательным) или же косвенным. В случае с D_{II} и D_{III} порядок, как правило, D_{II} — D_{III} (позиция подлежащего из имеющихся примеров неясна), ср. (27). Если второе дополнение косвенное, порядок, по-видимому, D_{II} — D_{III} (позиция подлежащего здесь также неясна), ср. (28).

(27) *sēnifudamān tivā ... kul-(i)l'-i/e* «Брату-моему слово ... хочу-сказать» [20, с. 109].

(28) *šala-v-ā-n aštif'un'a ar-i/e* «И-сестру-твою в-жены (букв. женой) [мне] дай» [20, с. 115].

Итак, имеются некоторые свидетельства предпочтительности порядка OSV над порядком SOV в хурритском. Конечно, какие-то случаи использования именно этого порядка могут объясняться контекстными условиями (в письме Тушратты идет речь об определенном, уже известном и автору, и адресату, круге объектов, а значит, наименования этих объектов легко могут тематизироваться) или экспрессивностью. Тем не менее, даже если исключить подобные случаи, преобладание OSV над SOV сохранится.

При признании в хурритском базового порядка OSV естественно возникает вопрос о происхождении этого порядка. Хурритский довольно последовательно демонстрирует черты языка с глаголом в конечной позиции, но этот порядок, как и в надеб (2.3), не жесткий, ср. (25). Каким именно образом порядок OSV мог стать в хурритском преобладающим, неясно. Можно предположить его развитие из SOV через SVO.

4. Кабардино-черкесский язык (абхазо-адыгская семья)

В литературе вопрос о порядке слов в кабардино-черкесском языке (далее КЧ) либо не уточняется [23, с. 213], либо решается в пользу SOV [24, с. 150—151; 25, с. 12—21]. Тем не менее примеры, приводимые в грамматических описаниях, особенно в [23], указывают на частотность порядка OSV. Наше внимание на этот порядок в КЧ впервые обратили М. А. Кумахов и Р. Кимов. Результаты, приводимые ниже, основаны в первую очередь на опросе носителей языка (Р. Кимов, Б. Бербеков, Р. Дзуганова, К. Карданов, М. Кардапова — носители литературного языка; С. Амшокова, Т. Шошева — носительницы говора с. Шалушка Большой Кабарды; всем им автор выражает свою искреннюю призна-

¹² Возможно, глаголы говорения и ИГ «слово; речь» образуют устойчивое сочетание типа *figura etymologica* (данная интерпретация была предложена Вяч. Вс. Ивановым). В таком случае позиция слова *tivā* перед глаголом (26а), (27) будет единственно возможной.

тельность). Опрос информантов показал преобладание порядка OSV над порядком SOV в некоторых подсистемах КЧ; в четырех других абхазо-адыгских языках (близком КЧ адыгейском, абазинском, абхазском и убыхском), по-видимому, преобладает тип SOV (см., однако, 5.1). Наша задача — выяснить распределение порядков OSV и SOV в КЧ. Для дальнейшего изложения существенно, что КЧ — морфологически эргативный язык, не имеющих грамматического рода.

4.1.1. Конструкции с семантически однородными именами. Под семантической однородностью (термин В. С. Храковского) понимается равенство языковых выражений по каким-то признакам; в нашем случае это совпадение рангов во всех или нескольких из иерархий (1)—(4).

1) При спонтанном порождении транзитивных предложений с референтными ИГ, занимающими высокое положение в иерархиях, информанты обычно начинают с конструкции OSV:

(29) а) *Сэби-р фызыжы-м и-гъэ-шх-ац* «Ребенка (абс.) женщина (эрг.) накормила».

(30) а) *Джэды-р бажэ-м и-хъ-ац* «Курицу (абс., сильноопределенная ИГ) лиса (эрг.) унесла».

б) *Зы джэды-р бажэ-м и-хъ-ац* «Одну курицу (т. е. одну из определенных кур, — слабоопределенная ИГ) лиса унесла».

Порядок SOV допускается, но связывается обычно с контрастной рематизацией или подчеркиванием субъекта, ср.:

(29) б) *Фызыжы-м сэби-р и-гъэ-шх-ац* «Женщина ребенка накормила»

(30) в) *Бажэ-м джэды-р/ар и-хъ-ац* «Лиса курицу/ее унесла».

Предпочтительность OSV сохраняется также в конструкции с косвеннопереходным глаголом, ср.:

(31) *БлэкIухъу-хэ-м милициэнэры-р къэ-дж-ац* «Прохожих (мн., косв.) милиционер (абс.) звал».

2) В предложениях с референтными ИГ, занимающими одинаково низкое положение в иерархиях (1), (4), типичен порядок SOV.

(32) а) *ХуцIына-м стол-ыр и-уцIэнI/и-уцIэнI-ац* «Тесто (эрг.) стол (абс.) пачкает/запачкало» (SOV)

б) *Стол-ыра хуцIына-м и-уцIэнI/и-уцIэнI-ац* (тж., OSV, с контрастной тематизацией объекта).

Положения вещей с двумя и более ингерентно неагентивными участниками, как правило, не отображаются в КЧ переходными предложениями; соответствующий смысл передается предложениями стативной и рефлексивной конструкций. В стативных и рефлексивных конструкциях наименование объекта (O) стоит на первом месте, а наименование причины ($\approx S$) — на втором, ср. пример, полученный при предъявлении информанту русского предложения *Время разрушило/разрушает камень*:

(33) *Мывэ-р зэмань-м зэ-Гыхъэрот-ац/зэ-Гыхъэротэ* «Камень (П_{стат}) от-времени (Д_к) разрушился/разрушается (рефлексив)» (форма Д_к) омонимична форме П_п).

3) В КЧ имеется особая конструкция предложения, получившая в литературе название индефинитной [24]. Имена обоих главных актантов в такой конструкции оформлены нулевым падежным показателем; у общих имен такие «нулевые» падежные формы регулярно противопоставлены ненулевым. Из названия конструкции видно, что неоформленные ИГ принято считать неопределенными. Правильнее было бы считать их нереферентными, что подтверждается следующими фактами: а) немаркированные ИГ употребляются как родовые в конструкциях «в качестве У» «X как род У» (для неопределенных ИГ это нехарактерно); ср.

(34) а) *ЩГалэ-м зы мыГэрысэ-р и-шх-ащ* «Парень (эрг.) одно [из] яблок (абс. марк.; одно из определенного множества) съел».

б) *ЩГалэ-м зы мыГэрысэ-θ и-шх-ащ* «Парень одно яблоко (абс. немарк., родовое) съел». б) немаркированные ИГ могут быть слабо-определенными (слабая определенность и нереферентность сочетаются, слабая определенность и неопределенность, естественно, нет), ср.:

(35) *Абы хуэдэ гу-θ сы-гьунэгэу-м фГэжэ зыми хуэ-щГы-ну-кьым* «Такую телегу (абс. немарк.) кроме моего соседа никто не-сможет-сделать». в) в функции предикатного имени употребляется всегда немаркированная форма (ср. *пшэафГэ-θ шГын* «поваром назначить»).

В транзитивном предложении КЧ неоформленными могут быть обе главные ИГ либо только объектная ИГ. Типичный порядок расположения элементов в конструкции с неоформленными ИГ — SOV, независимо от синтаксического статуса неоформленной ИГ (ср., однако, (35), где соответствующая ИГ — контрастная тема). Ср.:

(36) а) *ЦГыху-хэ-м гуэдэ-θ хэсэ* «Люди (эрг. марк.) пшеницу (абс. немарк.) сеют».

б) *ЦГыху-хэ-θ гуэдэ-θ хэсэ* «Люди (эрг. марк.) пшеницу (абс. немарк.) сеют».

Понижение референтного статуса ИГ коррелирует с понижением ее синтаксического статуса (см. 1.2); неоформленная объектная ИГ, в отличие от оформленной, не может быть самостоятельной ремой (неоформленная ИГ образует единую рему со сказуемым). Таким образом, в предложениях типа (36) имеет место конструкция, отличная от эталонной транзитивной. Строго говоря, совпадение конструкций разного типа по порядку слов не обязательно.

4.1.2. Конструкции с семантически неоднородными именами.

1) Если подлежащее выше дополнения по шкалам (1), (3), (4), в транзитивной конструкции возможны порядки SOV и OSV, но SOV предпочтительнее [ср. выше (34а) и (37а)].

(37) а) *Почталъоны-м писмо-р кьы-хь-ащ* «Почтальон принес письмо» (SOV).

б) *Писмо-р почталъоны-м кьы-хь-ащ* (тж., OSV, признается худшим вариантом).

Предпочтительность SOV над OSV в предложениях с П_ц—ИГ мн. ч. менее очевидна; при устном предъявлении русского предложения *Враги сожгли родную хату* пятеро из наших информантов первым давали КЧ эквивалент с порядком OSV:

(38) а) *Сы-кьы-щаль-хуа унэ-р бий-хэ-м я-гьэ-с-ащ* «Родной дом враги сожгли» (OSV).

б) *Бий-хэ-м сы-кьы-щаль-хуа унэ-р я-гьэ-с-ащ* (тж., SOV).

В косвенно-переходной конструкции с семантически неоднородными именами абсолютно преобладает SOV, ср. (31), (39а, б), с одной стороны, и (39в, г), с другой.

(39) а) *ЛГыжьы-р щГалэ-м йо-плъ* (SOV)

б) *ЩГалэ-м лГыжьы-р йо-плъ* (OSV)

«Старик (абс.) смотрит на-парня (косв.)».

[спонтанное порождение того или другого словопорядка варьирует у разных информантов и даже у одного информанта в разное время; все опрошенные носители КЧ указывают на очень слабые различия между (39а) и (39б)].

в) *ЛГыжьы-р сураты-м йо-плъ* (SOV)

г) ? *Сураты-м лГыжьы-р йо-плъ* (OSV)

«Старик смотрит на фотографию».

2) В том случае, если ранг дополнения в иерархиях (1), (3), (4) выше ранга подлежащего, порядок OSV существенно предпочтительнее порядка SOV (последний некоторыми информантами вообще отвергается):

(40) а) *ШІалэ-р псы-м и-тхьэл-ац* (OSV)

б) *?Псы-м щІалэ-р и-тхьэл-ац* (SOV)

«Парня (абс.) вода (эрг.) утопила».

4.2. Конструкции с местоименными актантами и с актантами — собственными именами. Свободные местоимения 1 и 2 л. обычно опускаются, поскольку согласовательная модель глагола весьма прозрачна. При порождении несколько искусственных предложений с восстановленными местоименными актантами информанты выдерживают порядок SOV, ср.:

(41) а) *(Сэ уэ) у-зо-гъа-джэ* «(Я тебя) обучаю».

б) *(Уэ сэ) сы-бо-гъа-джэ* «[Ты меня (мужск.)] обучаешь».

в) *(Сэ) ар и-зо-гъа-джэ* «(Я) его обучаю».

г) *Абы сэ сы-рэ-гъа-джэ* «Он меня обучает».

д) *Абы ар е-гъа-джэ* «Он₁ его₁ обучает» (индексами *i* и *j* обозначена некорреллированность актантов).

Как видно из (41а—д), порядок слов не зависит от того, является ли соответствующая местоименная ИГ подлежащим или прямым дополнением.

В предложениях с актантами — именами собственными (собственные имена не маркируются по падежу) разные носители языка отдают предпочтение разным порядкам: двое из наших информантов явно склонялись к SOV, трое — к OSV, остальные допускали оба эти порядка. Существенно однако, что всеми информантами пример

(42) *Бибэ Саидэ е-хь* «Биба несет(презент) Саиду» или «Саида несет Бибу»

вне контекста признан неоднозначным. Еще более неоднозначны примеры типа

(43) а) *Борис Мухьэмэд текІу-ац* «Борис победил(перфект) Мухамеда» или «Мухамед победил Бориса».

Естественной реакцией на (43а) оказывается вопрос

(43) б) *Хэт хэт текІуа?* «Кто кого победил?»

4.3. «Смешанный» тип конструкций. Реальные, не спровоцированные при опросе предложения с актантом — общим именем и актантом — местоимением практически не встречаются, поскольку местоимение, независимо от его синтаксического статуса, опускается (см. 4.2). В звучащих несколько искусственно предложениях с восстановленными актантами обнаруживается тенденция к порядку SOV; OSV предполагает некоторую контрастивность в тематизации объекта:

(44) а) *Сэ джэды-р с-хь-ац* «Я курицу (абс.) отнес».

б) *Джэды-р (сэ) с-хь-ац, папэ малы-р и-хь-ац* «Курицу (я) отнес, барана отец отнес» (существенно, что во втором простом предложении с актантами — общими именами употреблен как коммуникативно маркированный порядок SOV).

4.4. Вопрос, отрицание, восклицательное предложение. Общий вопрос маркируется в глаголе [ср. (46б)] и имеет особый интонационный контур (резкое повышение тона на последнем слове); кроме того, вопрос может оформляться исключительно интонационными средствами [(45), (46а)]. Во всех случаях порядок слов вопроса не отличается от порядка слов в утвердительном предложении [ср. (45) и (30а), (46) и (37а)].

(45) *Джэды-р бажэ-м и-хь-ац?* «Курицу лиса унесла?» (OSV).

(46) а) *Почтальоны-м писмо-р къи-хь-ац?* «Почтальон письмо принес?» (SOV).

б) *Почтальоны-м письмо-р кэи-хь-ы-ну?* (тж., оформление вопроса морфологическими средствами, SOV).

Порядок слов в частновопросительных предложениях не специфичен: вопросительное слово стоит либо в крайней левой (коммуникативно сильной) позиции, либо на месте той составляющей, к которой относится вопрос (аналогично обстоит дело в русском, ср.: *Кого вы вчера ждали?* и *Вы кого вчера ждали?*).

Отрицание маркируется в глаголе [ср. (35)] и на порядок слов не влияет. В восклицательных предложениях с семантически однородными ИГ порядок слов O...SV; при семантической неоднородности порядок слов: а) SOV, если $S > O$, б) OSV, если $S < O$.

4.5. Порядок слов в предложениях с двумя объектами. В таких предложениях роль словоупорядка возрастает, поскольку P_n и D_n/D_k в КЧ кодируются омонимично (по другой трактовке, имеет место синкретизм падежной формы эргатива, но здесь выбор той или иной грамматической интерпретации не существует), ср. (31), (32). В предложении с адресатным вторым дополнением порядок слов $P_n - D_n - D_n...$ [порядок $D_n - P_n - D_n...$ приводит к изменению смысла см. (47в)]. Порядок $P_n - D_n - D_n...$ хуже, вероятно, потому, что при таком порядке омонимичные падежные формы расположены контактно (ср. такое же объяснение в [25, с. 40]). Последний порядок связан с некоторой контрастивностью в выделении D_n , однако коммуникативное различие предложений типа (47а) и (47б) невелико. Интересно, что рематизация объекта в предложениях типа (47б) «склеена» с рестриктивным толкованием этого объекта. При этом наблюдается обычная для языка ситуация, когда имеется некая формальная оппозиция (в данном случае оппозиция двух словоупорядков) и язык придает маркированному члену этой оппозиции какие-то дополнительные, например, стилистические, функции (ср. 2.3 и примеч. 9).

(47) а) *ЛГыжьы-м шы-р щГалэ-м и-ри-т-ац* ($P_n - D_n - D_n$)

б) *ЛГыжьы-м щГалэ-м шы-р и-ри-т-ац* ($P_n - D_n - D_n$) «Старик (эрг.) дал парню (косв.) лошадь (абс.)»

в) *ЩГалэ-м шы-р лГыжьы-м (лГыжьы-м шы-р) и-ри-т-ац* «Парень (эрг.) дал лошадь (абс.) старику (косв.)».

Предпочтительность порядка $P_n - D_n - D_n$ сохраняется и при местоименном подлежащем, ср.:

(48) *(Уэ) и гьузгу пыжы-р ди хьу-хэ-м кэ-б-гэ-э-лэ-гьу-ац* «(Ты) новой жизни путь нашему народу дал».

Рассмотрим теперь порядок слов в каузативных предложениях; образование каузатива от транзитива связано с появлением второго дополнения. В каузативной конструкции со сказуемым — каузативом от интранзитива — порядок слов обычно O (= каузируемый) S (= каузатор), ср. (49а). Каузатив, образованный от переходного глагола, имеет две модели управления — (а) и (б). В верхней строке таблицы указывается роль, в нижней — член предложения, который ее выражает:

(а)

Каузатор	Каузируемый	Объект кауз. действия
P_n	D_n	D_k

ср. (49б), каузатив — антипассив

(б)

Каузатор	Каузируемый	Объект кауз. действия
Π_{Π}	Δ_{Π}	Δ_{Π}

ср. (49в), каузатив — конверсив

(49) а) *ЩIалэ-р фызыжьы-м и-гъэ-кIу-ац* «Парня (абс.) бабушка (эрг.) заставила-уйти»

б) *Дохутыры-м сымаджэ-р хъуцхуэ-м и-ри-гъэ-ф-ац* «Врач (эрг.) заставил больного (абс.) пить лекарство (косв.)» (букв. «Врач больного лекарством напоил»)

в) *Дохутыры-м хъуцхуэ-р сымаджэ-м и-ры-ри-гъэ-ф-ац* «Врач (эрг.) лекарство (абс.) больному (косв.) дал-пить», ср. [23, с. 126].

Итак, при двух дополнениях Π_{Π} ставится на первое место, а более нейтральным является порядок, когда Δ_{Π} предшествует любому другому дополнению. Такая аранжировка дополнений отличает КЧ от других языков, жестко располагающих глагол-сказуемое в конце предложения: в подобных языках нейтральным порядком в предложении с двумя дополнениями является Π_{Π} — Δ_{Π} / Δ_{Π} — Δ_{Π} (автор благодарен В. А. Чирикба за сообщение фактов абхазского языка и И. Ф. Вардулу за указание фактов японского языка). Возможно, данное отличие «вынужденное» и объясняется исключительно омонимией Δ_{Π} / Δ_{Π} и Π_{Π} в КЧ.

Подведем предварительный итог. КЧ — язык с жестким расположением сказуемого в конце предложения. Порядки SOV и OSV распределены по-разному в разных подсистемах. OSV преобладает над SOV а) при S и O , равных по высокому положению на шкалах (1), (3), (4); б) при $O > S$ по (1) и др. SOV преобладает в) при S и O , равных по их низкому положению на шкалах (1), (3), (4); г) при $O < S$ по (1) и др. Наиболее часто в естественном языке отображается, как интуитивно кажется, именно последнее соотношение партиципантов, поэтому если определять порядок слов недифференцировано, SOV может оказаться в КЧ статистически преобладающим. При этом, однако, будет потеряна важная типологическая информация.

4.6. OSV — актив или пассив? Положение вещей, в котором пациенс ингерентно «субъектнее» агенса [см. выше б)], для эталонного актива не типично. Язык должен преодолеть здесь своего рода конфликт: семантически приоритетная ИГ получает грамматический (синтаксический) статус, не соответствующий ее высокому положению на шкалах типа (1). Способов преодоления этого конфликта может быть несколько: 1) низкий грамматический (синтаксический) статус соответствующей ИГ специально закрепляется (типичный случай — антипассивизация, когда наименование ингерентно субъектного пациенса получает статус не Δ_{Π} , а статус ниже Δ_{Π} , т. е. Δ_{Π} или Δ_{Π}), и тем самым семантическая приоритетность этой ИГ «подавляется»; 2) соответствующая ИГ получает подобающе высокий синтаксический статус (типичный прием — пассивизация: наименование пациенса становится подлежащим пассива), причем за счет понижения статуса агентивной ИГ.

Мы вправе предположить, что в КЧ, в случае б), где $S < O$, имеет место именно пассив. Проверим это предположение, причем как для предложе-

ний типа (40), так и для предложений типа (29а), (30а). Если OSV-конструкции в КЧ представляют собой пассивы, то порядок слов в них будет тривиальным.

Существенным свойством подлежащего как особой категории является способность эффективно контролировать кореферентные связи в тексте, в частности, контролировать кореферентные нули и кореферентные (анафорические) местоимения. Универсальная, эмпирически полученная иерархия

(50) $P_n > P_p > D_p > D_n > D_k \dots$

предсказывает, что при упоминании имени А в тексте денотат А тем скорее будет соотнесен с предупомянутым и/или последующим, чем левее в (50) находится синтаксический ранг А. Приоритетное положение в (50) определяет выбор наиболее экономного кореферентного повтора. Естественно, наилучшим с точки зрения экономии является анафорический нуль, ср. (15в, г). Менее экономно анафорическое местоимение, ср. *Не часто я у памяти в гостях, / Да и она [память] меня всегда морочит* (А. А. Ахматова). Если редуцированный кореферентный повтор не разрешает многозначности, приходится прибегать к полному повтору, ср. *Он перевозчика зовет, / И перевозчик беззаботный / Его за гривенник охотно / Сквозь волны страшные везет* (А. С. Пушкин). Разные языки допускают приоритетный контроль кореферентных связей для разного числа элементов из (50). Рассмотрим ситуацию в КЧ.

(51) а) *Фызыжсьы-м лЫжсьы-р и-гъа-шхэ-ри ∅ кІуэж-ац* «Старуха (эрг.) старика (абс.) накормив, ∅ [= старуха] ушла».

б) *Фызыжсьы-м лЫжсьы-р и и-гъа-шхэ-ри лЫжсьы-р/* ∅ кІуэж-ац* «Старуха старика накормила (букв. накормив), старик/* ∅ ушел».

(52) а) *Фызыжсьы-р къакІуэ-ри ∅ лЫжсьы-р и-гъэ-шх-ац* «Старуха (абс.) придя, ∅ [= старуха] старика (абс.) накормила».

б) *Фызыжсьы-р къакІуэ-ри ∅ лЫжсьы-м и -гъэ-шх-ац* «Старуха пришла (придя), старик (эрг.) ∅ [= старуху] накормил».

В (52) P_n контролирует анафорический нуль, независимо от синтаксического статуса «мишени»; P_p , как и P_n , контролирует анафорический нуль (51а), тогда как D_p этого не делает (51б). Главной чертой пассива является понижение статуса подлежащей ИГ (продвижение какой-то другой ИГ в подлежащие необязательно). Следовательно, мы можем ожидать, что «бывшее» подлежащее, ставшее агентивным дополнением, не сможет контролировать анафорический нуль. Этого, однако, не наблюдается, ср.:

(53) а) *ЩІалэ-р фызыжсьы-м бжэфу и-гъэ-са-ри ∅ лІац* «Парня (абс.) бабушка (эрг.) счету научила (букв. научив), ∅ [= бабушка] умерла».

б) *ЩІалэ-р фызыжсьы-м бжэфу и-гъэ-са-ри цІалэ-р/* ∅ лІац* «Парня бабушка счету научила, парень/*∅ умер».

(54) а) *ЦІыху-р уэшхэ-м и-уфІанэцІа-ри ∅ увыІ-ац* «Человека (абс.) дождь (эрг.) облил (букв. облив), ∅ [= дождь] кончился».

б) *ЦІыху-р уэшхэ-м и-уфІанэцІа-ри цІыху-р/* ∅ ма-кІуэ-ац* «Человека дождь облил, человек/*∅ побежал».

Таким образом, конструкции с порядком слов OSV в КЧ пассивными не являются.

5. Происхождение OSV¹³

5.1. Если обратиться к видовременным различиям в формах глаголов, то выясняется, что распределение порядков OSV и SOV связано с противопоставлением перфектных и неперфектных форм. При прочих равных условиях предпочтительность OSV очевиднее в описании событий, связанных с прошлым; особенно она сильна в предложениях с глаголом-сказуемым в одной из перфектных форм. SOV предпочтительнее при описании непрошедших, незавершенных событий.

Для дальнейшего обсуждения существенно, что в КЧ различаются: презенс, имперфект, футурум, перфект, плюсквамперфект. От форм перфекта и плюсквамперфекта образуются, с помощью суффикса *-гъа*, соответственно формы отдаленного перфекта (по [25, с. 87], давнопрошедшего совершенного) и отдаленного плюсквамперфекта (по [25, с. 87], преждепрошедшего совершенного).

(55) а) *ЩГалэ-р фызыжьы-м бжэфу и-гъэс-ащ/и-гъэс-ат/и-гъэсэ-гъа-щ / и-гъэсэ-гъа-т* «Парня (абс.) бабушка (эрг.) счету научила (перфект/плюсквамперфект / отдаленный перфект / отдаленный плюсквамперфект)» (OSV, из семи опрошенных пятеро настаивают на этом порядке).

б) *Фызыжьы-м щГалэ-р бжэфу и-гъэсэ* «Бабушка парня счету учит(презенс)» (SOV, из семи опрошенных четверо настаивают на данном порядке).

Ср. также (56), где (56а) оценивается как намного лучший, чем (56б), вариант, а (56) — как вариант, более предпочтительный, чем (56в).

(56) а) *Лы-р хъэ-м и-хъ-ащ* «Мясо (абс.) собака (эрг.) унесла (перфект)» (OSV).

б) *Хъэ-м лы-р и-хъ-ащ* (тж., SOV; предложение оценивается либо как несколько искусственное, либо как содержащее контрастную рему — субъектную ИГ).

в) *Лы-р хъэ-м е-хъ* «Мясо собака уносит(презенс)» (OSV).

г) *Хъэ-м лы-р е-хъ* (тж., SOV).

Некоторое подтверждение корреляции между грамматическим видом / временем и определенным порядком слов обнаруживается в родственных КЧ языках. В убыхском и абазинском (В. А. Чирикба, устное сообщение), адыгейском (данные получены от М. Биболетовой, носительницы литературного языка), абхазском (данные получены от Б. Хагуша, носителя бзыбского диалекта) SOV абсолютно преобладает в не-перфекте; в предложениях с глаголом-сказуемым в перфектных формах тип OSV почти так же приемлем, как SOV. Ср. в абхазском:

(57) а) *сэ-пӡ^о s^оma faɬ^о-эк-г'и j-aa-qaɬcaɾ* «Моя-жена приготовит (буд.) какую-нибудь пищу» (SOV)

б) *faɬ^о-эк-г'и сэ-пӡ^о s^оma j-aa-qaɬcaɾ* (тж., OSV), где (57а) существенно предпочтительнее.

(58) а) *сэ-пӡ^о s^оma faɬ^о-эк-г'и j-aa-qaɬca-x'a-n* «Моя-жена приготовила(плюсквамперфект) какую-нибудь пищу» (SOV)

б) *faɬ^о-эк-г'и сэ-пӡ^о s^оma j-aa-qaɬca-x'a-n* (тж., OSV), где (58а) и (58б) признаются примерно равными по приемлемости вариантами.

Более строгая корреляция между порядком OSV и перфектом обнаруживается в языках пано (по текстам в [26]). Вполне вероятно, что подобная же корреляция «ответственна» за правые/левые линейные сдвиги ИГ

¹³ В данном разделе проблема возникновения порядка OSV рассматривается с синтактико-типологической точки зрения; никаких попыток конкретной реконструкции здесь не делается.

в шаванте [ср. соответственно (9) с коммуникативно маркированным порядком OSV (предложение с перфектной интерпретацией) и (7) с коммуникативно маркированным порядком SOV (имперфект)]. В качестве рабочего объяснения корреляции между перфектом (плюсквамперфектом) и порядком OSV в языке с глаголом в конечной позиции можно предложить следующее.

5.2. Перфект и плюсквамперфект обозначают некоторое совершившееся в прошлом и предшествовавшее моменту времени x действие, результаты или следствия которого сохраняются в последующие за x моменты (для перфекта x — момент речи). В случае транзитивного (плюсквам)перфекта последствия действия могут, теоретически, сказываться на субъекте и/или на объекте.

В ситуации, соответствующей каноническому транзитивному предложению, имеется участник, который ее полностью контролирует. Для эффективного выполнения этой задачи такой участник не должен претерпевать существенных изменений. Чем больше признаков имеется в семантическом представлении партиципанта, тем меньше вероятность, что описываемое событие сможет радикально изменить их все или хотя бы большинство из них (см. 1.2); многопризнаковость является своего рода «гарантией» стабильности. Иерархии (1)—(4) позволяют предсказать такую относительную стабильность в первую очередь для субъекта (Агенса) канонических транзитивных глаголов. Объект определяется, как правило, через меньшее число признаков, и для него прямое изменение состояния вследствие именно данного события более предсказуемо и/или более очевидно (при этом сохранение исходного состояния можно рассматривать как частный случай изменения).

Перфектная интерпретация некоторой ситуации возникает в том случае, когда в этой ситуации есть участник, на котором сказываются последствия соответствующего события. Высока вероятность, что в транзитивном перфекте результаты будут наиболее очевидны именно для объекта (ср. [27, с. 70]; это, естественно, никак не исключает того, что последствия события скажутся и на субъекте). Для того чтобы оценить последствия события, необходимо располагать данными об исходном состоянии всех или некоторых участников — иначе трудно констатировать изменение их состояния. Таким образом, логично ожидать, что первоначальное состояние объекта является для говорящего или для обоих коммуникантов известным, данным. Трудно представить себе такую ситуацию, при которой состояние было бы известным, а носитель этого состояния — нет. Итак, мы приходим к тому, что объект в (плюсквам)перфекте с частотой, большей, чем случайная, является данным. [Такая трактовка согласуется с интуитивными представлениями носителей языка; по словам одного из наших информантов, (56а) предпочтительнее (56б) потому, что «когда говорят о прошлом, уже знают, что с чем-то что-то делали»].

Статус данного типично коррелирует со статусом темы (как и статус нового — со статусом ремы). Таким образом, в предложениях с глаголом-сказуемым в (плюсквам)перфекте сильноопределенная объектная ИГ имеет много шансов тематизироваться. Типичной позицией темы в языке с глаголом в конечной позиции является абсолютное начало предложения. Ср. в турецком (язык жесткого подтипа SOV):

(59) а) *Yılan kabağ-ı/kabak yedi* «Змея (= тема) тыкву (о пр./неопр., рема) съела» (SOV).

б) *Kabağ-ı/*kabak yılan yedi* «Тыкву (опр./*неопр., тема) змея (рема) съела» (OSV).

Таблица 1

Рема в переходных предложениях с глаголом-сказуемым в перфекте/не-перфекте (в процентах от общей выборки; проценты округлены до целых)

Форма глагола	Ремой является			Всего
	только ИГ объекта	только глагол-сказуемое	глагол-сказуемое + ИГ объекта	
Перфект (собств. перфект, плюсквамперфект, отдаленные перф. и плюсквамперф.)	9%	72%	19%	100
Не-перфект	55%	22%	23%	100

Таблица 2

Рема в переходных предложениях, описывающих прошлые, настоящие и будущие события¹ (в процентах от общей выборки, проценты округлены до целых)

Временная отнесенность события	Ремой является			Всего
	только ИГ объекта	только глагол-сказуемое	глагол-сказуемое + ИГ объекта	
Прошлое	42%	43%	15%	100
Настоящее	39%	25%	36%	100
Будущее	15%	48%	37%	100

¹ Статистически наименее надежны данные для будущего, поскольку формы выражения будущего весьма разнородны и часто совмещают темпоральное значение с модальным.

Чтобы проверить предположение об актуальном членении перфекта для КЧ были проведены текстовые подсчеты на материале рассказов. Х. Хавпачева, пьесы Э. Карангушева и стихотворений А. Кешокова [28—30]. Общий объем выборки — 2500 переходных предложений. Работа над текстом велась с информантом. Имеющиеся в нашем распоряжении нестрогие критерии оценки актуального членения (метод вопросов, поиск фразового ударения) позволяют наилучшим образом выявить в предложении не тему, а ремю. Поэтому наша гипотеза была взята в «слабой» формулировке, а именно: в перфекте объект существенно реже является самостоятельной ремой, чем в не-перфекте.

В текстовых переходных предложениях методом вопросов определялась именно рема. Результаты работы показаны в табл. 1, 2. В одном случае перфектные формы рассматривались в противопоставлении неперфектным (имперфекту, презенсу, футуруму), т. е. исходной была грамматическая форма (табл. 1). Во втором случае актуальное членение оценивалось с учетом того, идет ли в тексте речь о прошлых, настоящих или будущих событиях, независимо от формы глагола (табл. 2.) Предложения с ремати-

ческим субъектом были заранее исключены из выборки. (Ср. также данные в [4, с. 89—90]).

Полученные результаты подтверждают наше предположение. В целом они позволяют сделать по крайней мере три следующих вывода: 1) характерной ремой в высказывании является ИГ объекта (а не глагол + ИГ объекта); эта закономерность требует дальнейшей проверки и объяснения; 2) рематический статус ИГ объекта в перфекте значительно ослаблен (по сравнению с другими временами); 3) рематический статус глагола-сказуемого в перфекте значительно повышен. Вторая и третья закономерности взаимосвязаны. Рематизацию глагола в перфекте можно объяснить ненарративностью перфекта (на возможность этого объяснения нам указал И. Ш. Козинский).

Обратимся к характеристикам связного нарративного текста. События, происходящие в реальном мире, постоянно меняются. Относительно неизменными остаются участники этих событий, которые и выступают в качестве своего рода координат при построении связного рассказа. Благодаря относительной устойчивости во времени / пространстве агентивные партиципаны обычно являются «героями» текста — в противоположность неагентивным участникам, находящимся на втором плане, ср. [12, с. 64]. В силу свойств человеческой памяти число «героев» неизбежно ограничено: в предельном случае такой герой в тексте один. Для одного агентивного партиципанта нормально осуществлять в один определенный момент (период) времени только одно действие (будь это не так, истории о необычайной способности Цезаря делать несколько вещей одновременно едва ли поражали бы воображение). Тем самым, эталонный нарративный текст — это рассказ о последовательности из трех или более событий с одним главным, агентивным участником (примером такого минимального текста является *Veni, vidi, vici*). Наименования соответствующих событий не нуждаются в специальном коммуникативном выделении: сам факт их последовательного, т. е. иконичного, перечисления определяет их информационный статус. Состояния (и производные, и производные, часть из которых является следствием перфектных действий) выключены из такого последовательного хода событий: несущественно, предшествует ли им нечто и следует ли нечто за ними. Это означает, что говорящий вынужден специально выделять названия ненарративных (не входящих в линейную последовательность) событий. Способом выделения таких названий является рематизация соответствующих глаголов. Порядок слов, в свою очередь, является удобным формальным средством, позволяющим маркировать нетривиальное актуальное членение высказывания, в частности высказывание со сказуемым в перфекте. В языке с жестким правилом постановки глагола в конечной позиции это может приводить к порядку OSV для перфекта.

Итак, перфектные конструкции в языке SOV могут тяготеть к порядку OSV, мотивированному а) несобственно рематическим и/или значимо частым тематическим статусом ИГ объекта, б) ненарративным характером перфекта, влекущим за собой рематизацию глагола.

5.3. Предположим, что порядок OSV закрепляется и грамматикализуется в перфекте SOV-языка, и рассмотрим следствия такой грамматикализации. Постановка ИГ объекта в крайнюю левую позицию не только ослабляет ее статус как ремы, но и делает ее весьма сильным претендентом на статус темы. Между тем нормальной ситуацией для коммуникативно немаркированной конструкции является совпадение позиций темы и подлежащего. Таким образом, при закреплении объектной ИГ в крайней

левой позиции возникает регулярное несоответствие между типичной темой (P_n , субъект) и «новой» темой (D_n , объект). Это противоречие может быть преодолено двумя разными способами.

Первый способ. D_n -тема приобретает статус подлежащего. P_n с большой вероятностью теряет подлежащие признаки и может рематизоваться (последнее не является, однако, автоматическим следствием того, что D_n — тема). Конструкция превращается в подлежащий пассив ($D_n \rightarrow$ подлежащее, $P_n \rightarrow$ агентивное дополнение). Этот ход развития подтверждается данными большого числа языков, в которых перфект и пассив коррелируют или «склеены», ср. также [12].

Второй способ. С регуляризацией порядка OSV члены предложения не утрачивают своих грамматических свойств: подлежащее остается подлежащим, дополнение — дополнением. Для устранения противоречия между синтаксическим и актуальным членением язык восстанавливает типичное актуальное членение: P_n — тема (но с новым линейным расположением), D_n — рема. Затем конструкция с порядком OSV может грамматикализироваться как единственно возможная. Грамматикализовавшись в «перфектной» подсистеме языка, порядок OSV может а) сохраняться в ней одной, б) выйти за ее пределы, вытесняя конкурирующий порядок SOV. В КЧ в конструкциях с актантами — общими именами — имеет место, видимо, компромисс а) и б).

После грамматикализации OSV возникает необходимость в новых линейно-интонационных средствах выделения (подчеркивания) составляющих высказывания. Ср. коммуникативно нейтральные (29а), (30а) и коммуникативно маркированные (29б), (30б) типы. Порядок SOV начинает служить для рематизации субъекта (29б), (30в) и/или для контрастной тематизации объекта.

6. Возможные импликации OSV

Описание языкового типа обычно предполагает выявление присущих ему значимых признаков. Удобным способом хранения информации о типологических характеристиках являются импликации. Импликации OSV можно разделить на две группы: 1) импликации, общие для OSV и SOV как для подтипов «V-конечного» (в англ. терминологии «V-final») типа в параметре порядка слов (о сущности противопоставления V-конечных и V-начальных языков см., например [2, с. 25 и сл.]); 2) импликации собственно OSV. Мы рассмотрим только последние, причем наш анализ будет отличаться от принятого в [3; 20]. В нашем распоряжении нет достаточного количества языков с порядком OSV, а значит, у нас нет возможности ни обобщить в импликациях большой эмпирический материал, ни проверить гипотетические импликации статистически. Поэтому ниже высказываются предположения, основывающиеся, во-первых, на общих закономерностях иерархического устройства языка (см. 4.2), а во-вторых, на рассуждениях о типологически вероятном генезисе OSV (см. 5.2, 5.3). Исследование новых OSV-языков (если таковые вообще обнаружатся) призвано подтвердить или опровергнуть приводимые дедуктивные импликации.

(60) Если в языке порядок OSV преобладает в предложениях со сказуемым в неперфектной форме, то этот же порядок будет преобладать в предложениях со сказуемым в перфектной форме.

(61) Если в языке порядок OSV преобладает в предложениях, описывающих непрошедшие события, то этот же порядок будет преобладать в предложениях, описывающих прошедшие события.

(60) и (61) выводятся на основании наблюдений о корреляции порядка слов OSV с перфектом *п* шире — с описанием прошлых событий, в первую очередь таких, результаты которых значимо сказываются на объекте (см. 5.2). Если порядок OSV преобладает даже там, где он семантически не мотивирован, то логично ожидать его там, где он семантически оправдан (распространение этого порядка на семантически немотивированные области будет объясняться его грамматикализацией, см. 5.3).

В наших рассуждениях о корреляции между OSV и перфектом принимались во внимание преимущественно референтные и определенные объектные ИГ. Интуитивно кажется, что в естественных текстах нереферентные ИГ должны быть более редкими, чем референтные: коммуниканты чаще обсуждают события, с определенностью локализованные во времени / пространстве, нежели обобщенные события. Конкретная временная и пространственная отнесенность положения вещей в целом предполагает более или менее однозначную идентификацию отдельных участников (всех или хотя бы некоторых) этого положения вещей, а значит, их наименования должны быть референтными. Языку было бы невыгодно «содержать» более редкую, семантически немотивированную конструкцию предложения для нереферентных ИГ и только для них. Это позволяет выдвинуть следующее предположение.

(62) Если в языке порядок OSV преобладает в предложениях с нереферентными ИГ, то этот же порядок будет преобладать в предложениях с референтными ИГ. В КЧ конструкции с нереферентными ИГ имеют порядок слов SOV (см. 4.1.1).

С референтностью именных групп в предложении можно связать и следующую гипотетическую импликацию:

(63) Если в языке порядок слов OSV преобладает в общеотрицательном предложении, то этот же порядок будет преобладать в утвердительном предложении.

С иерархиями (1)—(4) и в особенности с иерархией агентивности (1) связана гипотетическая импликация.

(64) Если в языке порядок OSV преобладает в предложениях с местоименными актантами, то этот же порядок будет преобладать в предложениях с именными актантами. Ср. в связи с этим [1, с. 160].

(65) Если в языке преобладает порядок OSV, то косвенное дополнение в нем будет следовать за прямым.

Нелишне отметить, что в SOV-языках типичен, по-видимому, обратный порядок (сведениями о порядке $D_{\text{п}}$ — $D_{\text{н}}$ в тюркских языках мы обязаны А. В. Дыбо и Х. Ф. Исхаковой, в абхазском — В. А. Чирикба). Что касается расположения $D_{\text{п}}$ и $D_{\text{н}}$ относительно друг друга, то даже в рассмотренных нами языках оно различается: в хурритском преобладает $D_{\text{н}}$ — $D_{\text{п}}$, в кабардинском $D_{\text{п}}$ — $D_{\text{н}}$ (см. 3 и 4.5).

7. Причины редкой встречаемости типа OSV в параметре порядка слов

На первый взгляд, причина «непопулярности» OSV как базового порядка слов очевидна: порядок нехорош из-за непосредственного предшествования объекта субъекту. Однако порядок VOS, где объект также непосредственно предшествует субъекту, встречается существенно чаще (например, в языках майя, в малайском, восточнофиджийском). Значит, такое объяснение по крайней мере недостаточно.

Распределение типов словопорядка по признакам «иконичность» и «гармонированности»¹

	Гармонирование:	
	транз. и интранз. гармонируют	транз. и интранз. не гармонируют
Иконичность (для транз. предл.):		
Порядок иконичен	SOV/SV SVO/SV ? VSO/SV	VSO/VS SVO VS ² ? SOV/VS
Порядок не иконичен	VOS/VS OVS/VS ? OSV/VS	OSV/SV OVS/SV ² ? VOS/SV

¹ Первым указывается порядок слов в транзитивном предложении; знаком вопроса помечены реально не зафиксированные типы.

² Об этом подтипе см. примеч. 9.

В типичном нарративном тексте ИГ подлежащего значимо часто является темой (ср. [12]). Если ограничить анализ элементарными, коммуникативно или семантически не осложненными двухактантными предложениями, то можно заметить, что наилучшим «кандидатом» на статус ремы будет именно ИГ дополнения (а не глагол или глагол + ИГ объекта); это подтверждается экспериментальными данными (см. табл. 1, 2). Приоритет объекта над глаголом в отношении статуса ремы мотивирован семантически и/или прагматически. Нередко знание объекта позволяет с большой вероятностью предсказать событие, в котором он участвует, — именно как объект — и, соответственно, прогнозировать наименование этого события, т. е. глагол. (Несомненно, верно и обратное: в лексикографическое толкование глагола входит информация о типичных объектах действия, обозначаемого соответствующей лексемой. Однако объекты значимо часто обозначаются именами, события — глаголами; как раз имена отображают сущности, которые мыслятся как устойчивые во времени и/или пространстве. Естественно, удобнее принимать за точку отсчета более стабильную сущность.) Интуитивно кажется верным, что при обсуждении положений вещей с двумя или более участниками, один из которых (агенса) уже известен, коммуниканты чаще стремятся получить информацию о том, кто был претерпевающим (пациенсом), чем о том, что сделал известный им или предупомянутый агент.

Итак, в транзитивном высказывании ИГ подлежащего типично совпадает с темой, ИГ дополнения — с ремой. Нейтральное актуальное членение интранзитивного высказывания таково: ИГ подлежащего — тема, глагол-сказуемое — рема.

По-видимому, предшествование темы реме (данного — новому, известного, или фонового, знания — сообщаемому, актуализуемому) более иконично, чем их обратное расположение. По признаку расположения темы и ремы типы в параметре порядка слов можно разделить на две

группы: 1) тема перед ремой — SOV, SVO, VSO; 2) тема после ремы — VOS, OVS, OSV.

Иконичное/неиконичное актуальное членение транзитивного предложения может согласовываться либо «рассогласовываться» с иконичным/неиконичным актуальным членением интранзитивного предложения (какое предложение, транзитивное или интранзитивное, мы примем за исходное, здесь безразлично). По признаку гармонирования актуального членения транзитивного и интранзитивного предложений типы, теоретически возможные в параметре порядка слов, также разделятся на две группы: 1) с согласованным актуальным членением (см. левый столбец табл. 3), 2) с несогласованным актуальным членением (правый столбец табл. 3).

Сложение двух признаков позволяет классифицировать типы словопорядков так, как это показано в табл. 3.

По-видимому, большая или меньшая адекватность словопорядка определяется также и тем, контактно или дистантно расположены тема и рема. В неосложненном интранзитивном предложении они всегда расположены контактно, и, вероятно, наилучшим расположением их в транзитивном предложении будет также контактное: два типа предложения будут тогда согласованы и по этому признаку. Этот признак делает наилучшим, т. е. внутренне непротиворечивым, тип SOV, который и преобладает в языках мира.

Если пренебречь реально не зафиксированными порядками, несколько огрубить картину и оценить реальные порядки по трем признакам: (а) иконичность нейтрального актуального членения, (б) гармонирование актуального членения в транзитивном и интранзитивном предложениях, (в) контактное расположение темы и ремы в транзитивном предложении, — то получится следующая иерархия:

(66) SOV > SVO > VOS > VSO > OVS > OSV.

Итак, редкую встречаемость типа OSV в языках мира можно объяснить, во-первых, его неиконичностью, во-вторых, внутренней «рассогласованностью».

Заключение

Исследование порядка слов дает возможность наблюдать, во-первых, закономерности синтенциального синтаксиса, во-вторых, закономерности актуального членения высказывания. По-видимому, собственно синтаксические функции порядка слов более специфичны, супрасинтаксическое использование порядка слов требует особого внимания к конкретным закономерностям языка: в частности, необходимо учитывать такие особенности конкретных грамматик, как регулярное и даже предпочтительное опущение актантов в предложении (в ряде языков бассейна Амазонки), объектную и субъектную инкорпорацию (при которой соответствующая ИГ, будучи связанной в глагольном комплексе, не имеет самостоятельного позиционного статуса). Вероятно, трактовка некоторых языков как OSV может быть следствием невнимания к названным явлениям. Так, Дербишир и Пуллум даже признают OSV/OVS ареальной характеристикой языков Карибского бассейна и Амазонки. Известно, однако, что порядок слов — сравнительно неустойчивый параметр, в отличие от более стабильной морфосинтактики (инкорпорация), грамматики диатез (пассивизация), грамматически и культурно обусловленных традиций по-

строения связного текста (правила ощущения актантов). Тем самым данные языков, ранее признававшихся OSV-языками (список, данный в [7], был расширен на основании последующей работы с языками Амазонки, ср. [9]), однако конкретных данных о новых OSV-языках пока нет), нуждаются в дополнительной проверке.

Гипотеза об ареальной обусловленности OSV заставляет с особым вниманием отнестись к OSV-языкам Старого Света. Выше в этой связи обсуждались хурритский и кабардинский языки. Для хурритского отмечено некоторое преобладание OSV как контекстно менее маркированного порядка. OSV используется как в предложениях с семантически однородными ИГ, так и в предложениях с ИГ, обладающими разной ингерентной субъектностью. Поскольку в хурритском представлены, помимо OSV, порядки SOV, SVO, VSO, трудно судить о генезисе OSV как преобладающего порядка в этом языке. Кабардинский демонстрирует преобладание OSV над SOV в следующих важнейших случаях: 1) при описании положений вещей с претерпевающим, ингерентно более субъектным, чем воздействующий на него участник ($S < O$); 2) при описании положений вещей, в которых и претерпевающий, и агентивный партиципant обладают одинаково высокой ингерентной субъектностью ($S = O$); 3) в предложениях со сказуемым в форме перфекта или плюсквамперфекта. В иных случаях преобладает порядок SOV.

В языке со сказуемым в конечной позиции порядок OSV, вероятно, возникает и грамматикализуется в перфекте. Особый порядок слов, сопутствующий в ряде случаев перфекту, объясняется отличиями актуального членения перфектных предложений от актуального членения предложений с иными формами сказуемого. Описываемое перфектом событие «выключено» из типичной для нарративного текста цепи событий, последовательно сменяющих одно другое. Такая «выключенность» создает потребность в коммуникативном выделении именно наименования события, т. е. глагола. Так можно объяснить значимо частую рематизацию глагола-сказуемого, и только его, в транзитивном перфекте. Далее, последствия события, описываемого перфектом, очевиднее сказываются на объекте, чем на субъекте, а это закрепляет за объектом перфекта статус данного (для того чтобы судить о новом состоянии партиципанта, надо иметь сведения о его исходном состоянии, а значит, располагать и некоторой информацией о самом носителе этого состояния).

Грамматикализация OSV в перфекте может, теоретически, привести либо к сосуществованию OSV и какого-то другого порядка в разных подсистемах, либо к распространению OSV на абсолютное большинство конструкций данного языка. В последнем случае этот порядок станет «жестким», т. е. будет выражать в первую очередь синтаксические отношения и в значительной степени потеряет «чувствительность» к изменению других значений, см. [31]. Однако такая возможность реально не засвидетельствована. Действительно, среди языков с «жестким» порядком слов есть представители SOV (японский), SVO (английский), VSO (полинезийские), VOS (батакский), но нет — OSV (и OVS).

По-видимому, встречаемость того или иного типа порядка слов зависит от того, иконично ли он отражает следование категорий актуального членения¹⁴. Тема обычно предшествует реме, данное — новому; поскольку позиции темы и подлежащего совпадают чаще, чем позиции темы и допол-

¹⁴ Ср. рассмотрение иконичности как фактора линеаризации в [32].

нения, порядок S...O кажется предпочтительнее порядка O...S. Редкая встречаемость типа OSV может объясняться, во-первых, нарушением иконичности в расположении темы и ремы, во-вторых, внутренней непоследовательностью (рассогласованностью) типа: порядок OSV в транзитивном предложении неиконичен, порядок SV в интранзитивном предложении иконичен, что создает дополнительное противоречие в языковой системе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гринберг Дж.* Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1970.
2. *Haikins J.* Word order universals. N. Y., 1983.
3. *Кибрик А. Е.* Подлежащее и проблема универсальной модели языка // ИАН СЛЯ. 1979. № 4.
4. *Polinskaja M. S.* Word order types: an attempt of a hierarchy // Symposium on language universals / Ed. by Help T. Tallinn, 1987.
5. *Fenk-Oczlon G.* Ist die SVO-Wortfolge die «Natürlichste»? // Papiere zur Linguistik. 1983. Bd. 29. № 2.
6. *Derbyshire D.* A diachronic explanation for the origin of OSV in some Carib languages // Journal of linguistics. 1981. V. 17. № 2.
7. *Derbyshire D., Pullum G.* Object-initial languages // IJAL. 1981. V. 47. № 3.
8. *Pullum G.* Word order universals and grammatical relations // Syntax and semantics. 8. Grammatical relations. N. Y., 1977.
9. *Kakumasi J.* Urubu-Kaapor // Handbook of Amazonian languages. V. 1. / Ed. by Derbyshire D., Pullum G. Berlin; New York; Amsterdam, 1986.
10. *Silverstein M.* Hierarchy of features and ergativity // Grammatical categories in Australian languages / Ed. by Dixon R. M. W. Canberra, 1977.
11. *Степанов Ю. С.* Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
12. *Козинский И. Ш., Соколовская Н. К.* О соотношении актуального и синтаксического членения в синхронии и диахронии // Восточное языкознание. Грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984.
13. *Падучева Е. В.* О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.
14. *Гак В. Г., Куанецов С. Н.* О типологии количественной сегментации предметов // Лингвистическая типология. М., 1985.
15. Типология результативных конструкций. Л., 1983.
16. *Comrie B.* Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.
17. *Comrie B.* Tense. Cambridge, 1985.
18. *McLeod R.* Paragraph, aspects and participant in Xavante // Linguistics. 1974. № 132.
19. *Weir E. M. N.* Footprints of yesterday's syntax: diachronic development of certain verb prefixes in an OSV-language (Nadeb) // Lingua. 1986. 68. 4.
20. *Хачикян М. Л.* Хурритский и урартский языки. Ереван, 1985.
21. *Bush F.* A grammar of the Hurrian language. Ann Arbor, 1964.
22. *Speiser E. A.* Introduction to Hurrian. New Haven, 1941.
23. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М., 1957.
24. *Кумахов М. К., Шагиров А. К.* Абхазо-адыгские языки // Языки Азии и Африки. Т. 3. М., 1979.
25. *Яковлев Н. Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.; Л., 1948.
26. *Textos canahua. 1—2.* Lima, 1980.
27. *Comrie B.* Aspect and voice: some reflections on perfect and passive // Syntax and semantics 14. Tense and aspect. N. Y., 1981.
28. *КъардэнгъуцI З.* Къанщобийрэ Гуащэгъагърэ. Налшык, 1956.
29. *КIыцокъуэ А.* Шум и гъуэгъу. Спиххэмрэ поэмэхэмрэ. Налшык, 1946. С. 17—94.
30. *ХъэгъунацIэ Х.* Фи щэдджыжь фIгуэ. Рассказхэр. Налшык, 1955.
31. *Payne D. L.* Information structuring in Papago narrative discourse // Language. 1987. 63. 4.
32. *Siewierska A.* Word order rules. L. etc., 1988.